

УДК 82.145

ПОЭТИКА МОЛЧАНИЯ В ЛИРИКЕ Г. ИВАНОВА

© Комиссаров К.М.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

e-mail: kkomissarov272@gmail.com

Научный руководитель: Иванова В.Н., канд. филос. наук, старший преподаватель
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Ключевые слова: Г. Иванов, поэтика, лирика, поэзия двадцатого века.

Творчество Г. Иванова в последнее время начинает приобретать популярность, поэтому возникает и литературоведческий интерес к его произведениям. Целью данной работы было проследить, как развивается поэтика молчания на протяжении всей жизни автора. Для этого использовался биографический метод.

Поэтика молчания в его лирике напрямую связана с ключевыми мотивами его творчества – смертью, бессмысленностью жизни.

В раннем периоде творчества поэтика молчания отсутствует ввиду отказа от абстрактных, внутренних тем, что отмечал еще Н. Гумилев, например, в отзыве о «Вереске»: «...Георгий Иванов показывает себя и умелым мастером стиха, и зорким наблюдателем. <...> Однако есть не только стихи, есть и поэт. <...> Почему поэт только видит, а не чувствует, только описывает, а не говорит о себе, живом и настоящем, радующемся и страдающем?» [1, с. 661–664].

Стоит отметить, что часто тишина является отождествлена с молчанием, с невыразимостью собственных чувств и их последующим угасанием, смертью, а также с тем, что подобные переживания могут возникать и в душах других людей.

Повторяемость, единство чувств лирического героя и всего мира ярче, отчетливее проявляется в более раннем творчестве, например, в стихотворении «Не спится мне» (1930 г.) из сборника «Розы». В нем лирический герой отождествляет свое личное и общечеловеческое, космическое: «Весь мир молчит, и я молчу» [3, с. 286]. Но здесь соотношение между собственным и мировым единомоментно, параллельно, не последовательно, как будет показано далее. Здесь поэтика молчания еще слабо развита, в ней еще нет пессимизма и разочарования.

Спустя 6 лет, в сборнике «Отплытие на остров Цитеру» (1937 г.) поэтика молчания приобретает свои черты: тождество со смертью, распадом. Например, в стихотворении «Только всего» есть указание на воцарение тишины и молчания как на начало смерти, пустоты. После исчезновения музыки: «Только. И падает скрипка из рук. / Падает песня в предвечную тьму, / Падает мертвая скрипка за ней...» [3, с. 300] не остается ничего. Мир будто сливается в первичный хаос, из которого когда-нибудь родится нечто новое, но именно сейчас, в момент тишины и беззвучия, и смысл пропадает. Таким образом, музыка и пение вместе со своим исчезновением, смертью обращают все в вечное ничто, которое воплощается в слиянии противоположных начал – тяжелого и нежного (которое также является цитатой из Мандельштама), сладкого и горестного. Многочисленные повторы в данном стихотворении подчеркивают еще и однотипность звуков, делая их похожими на эхо, которое и упоминается в конце: одинаковость в данном случае как бы является воплощением звона в ушах, хаоса, дезориентации, наступающих в полной тишине.

В произведении «Остановиться на мгновенье» молчание раскрыто по-другому, более скрытно, но завуалированно, скрыто в лейтмотиве «невыразимого». В строчках «Испытывая вдохновенье, / Почти сводящее с ума. Оно никак не воплотится...» [3, с. 458] констатируется,

что никто не способен в полной мере передать впечатления и эмоции человека, ведь они значительно сложнее, многограннее и богаче, чем язык, которым можно попытаться передать все это. Таким образом, мы приходим к выводу, что данное произведение имеет тематическое сходство с «Невыразимым» В. Жуковского и *Silentium(!)* Ф. Тютчева и О. Мандельштама. На уровне формы это выражается размером – четырехстопным ямбом.

В обоих стихотворениях также присутствует мотив повторения, цикличности переживаний: несмотря на их болезненность, мы видим, как оно потом встречается в душах других людей.

Молчание и тишина продолжают свое существование и в послевоенном периоде творчества Г. Иванова, например, в одном из самых известных произведений 1943–1958 годов «Друг друга отражают зеркала». В нем, так же, как и в «Только всего», прослеживается связь и со смертью, концом бытия, и с глубочайшим чувством разочарования, абсурдности жизни. Опять-таки важную роль играют музыка и ее завершение, исчезновение из жизни, что подтверждают строчки: *«Я верю не в непобедимость зла, / А только в неизбежность поражения. / Не в музыку, что жизнь мою сожгла, / А в пепел, что остался от сожженья»* [3, с. 321]. Здесь музыка и тишина встраиваются в ряд ошибок, ложных убеждений лирического героя: пепел – важнейший образ всего позднего творчества Георгия Владимировича Иванова [2, с. 89] – выступает как антитеза музыке, ее логическое завершение (музыка сожгла жизнь). Однако объединенность, повторяемость в позднем творчестве полностью утрачиваются. В показанном примере нет отождествления себя и мира, вместе этого, наоборот, уклон в индивидуальное переживание, акцент на личности и поэтическом творчестве: *«Допустим, как поэт я не умру, / Зато как человек я умираю»*.

Поэтика молчания в творчестве Георгия Иванова следовала общим тенденциям всей его поэзии – усиление пессимизма, разочарования в жизни. От космического объединения, обобщения эмоций всех людей к чувству разочарования, бессмысленности жизни и вслед за этим к смерти, индивидуальному переживанию, распаду и пеплу.

Библиографический список

1. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). – Кн. 2. ИМЛИ РАН. – М.: Наследие, 2001. – 768 с.
2. Семина, А.А. Голос из небытия: «посмертный дневник» Георгия Иванова и Бориса Рыжего / А.А. Семина / Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 12 (394). – С. 88–95.
3. Иванов, Г.В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1 / Г.В. Иванов. – М.: Согласие, 1994. – 721 с.